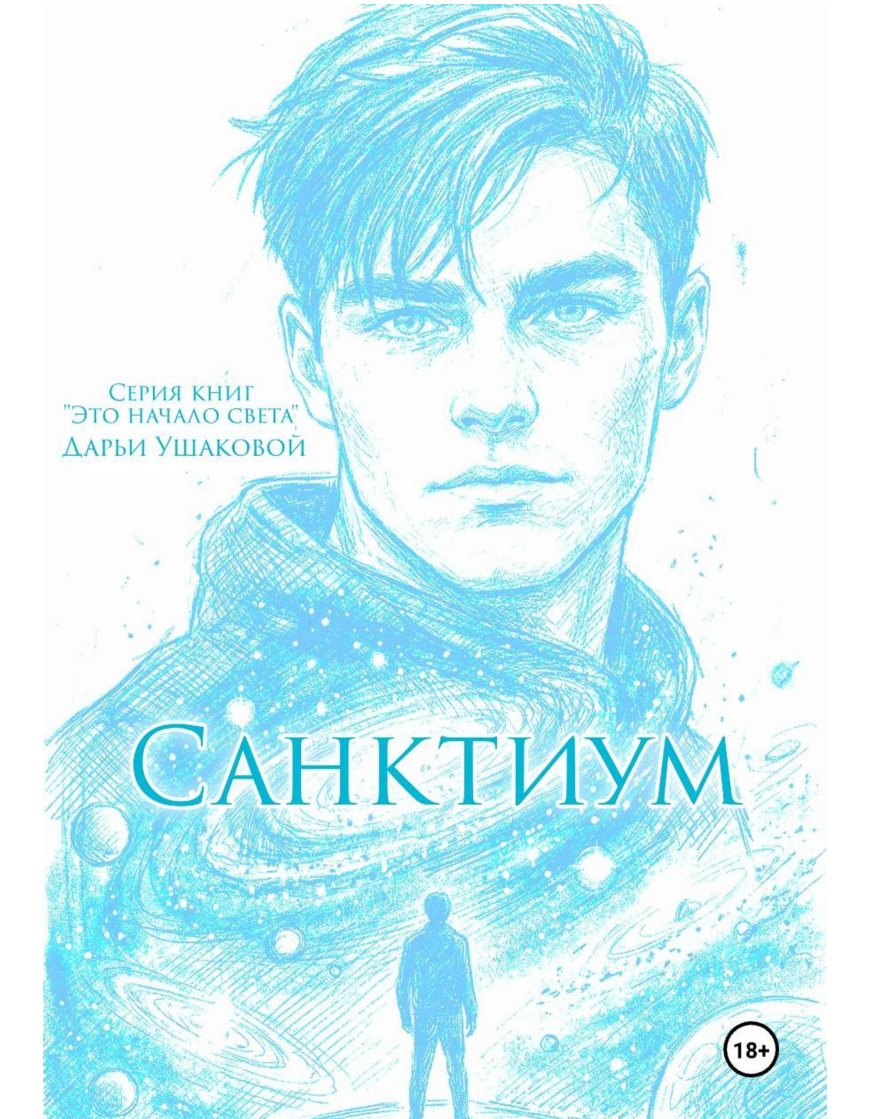

СЕРИЯ КНИГ
"ЭТО НАЧАЛО СВЕТА"
ДАРЬИ УШАКОВОЙ

САНКТИУМ

18+

Дарья Ушакова

Санктиум

<https://litres.ru/74244923>

SelfPub; 2026

Аннотация

Санктиум был преступником с детства, пойдя по стопам отца после того, как тот оставил его умирать на заброшенной станции. Молодой человек выжил и, преуспев, провел годы в бессознательном мщении.

Но об этом он совершенно не помнит, когда в ходе сознательного крушения шаттла попадает в реабилитационный госпиталь на планете Люцис, где люди относятся к нему так, словно он — один из них.

Где ему дают шанс начать все сначала.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Дарья Ушакова

Санктиум

Глава

Санктиум
Дарья Ушакова

Когда сжигается огнём до пепла то,
Чему пора давно прошла,
И возрождается в любовь однажды
Вновь душа...

Официальные саундтреки к книге на YouTube, Spotify,
iTunes:

Sanctium (Original soundtrack)
DARIA LIGHT

Злость накатывает и отступает, словно волны.
Тихий шум. Рябь на воде...
Я проснулся.

Темно, и только узкая полоска света ведет по краю палаты к двери, указывая направление к выходу. На двери окно, мерцающее блеклым теплым светом. Там, в коридоре кто-то должен быть.

Я поворачиваю голову к огромному иллюминатору на стене, в ногах кровати. Или нет, это, кажется, не иллюминатор, не голограмма, а большое круглое окно. Я на планете? Там, на улице, сейчас льет дождь и царит темнота. Какая-то даже уютная и спокойная. Нет суетливого гула или вибрации автомагистралей. Нет небоскребов, настроенных так тесно, что негде и яблоку упасть. Впрочем, какому яблоку?.. Обычно яблонь посреди мегаполисов не сыскать. Когда я в последний раз видел хоть одно дерево, растущее на земле, не искусственную декорацию и не голограмму? Без понятия, на самом деле. Видел, конечно, но почему-то не могу вспомнить. Чистый лист. Голова слишком тяжёлая.

Темнота за окном слишком безмятежная, ласковая. Умиротворенная. Убаюкивающая. Такая же, как и часть моих внутренних ощущений. Злость и ярость, раздражение перемешаны со странным чувством, что я дома, что Всё Хорошо. Таким непривычным чувством, словно я его никогда не испытывал. Слишком странная смесь... И почему-то я не помню, на какой из планет нахожусь. Идет дождь, не снег. Какое, интересно, сейчас время года? Почему-то меня не особенно волнует, что я этого не понимаю. Почему-то мне... так спокойно.

Внезапная идея осенила меня: нужно послать сигнал тем, кто сейчас в коридоре. Они должны услышать, что я здесь.

Повернувшись на бок, я дотянулся до поверхности стены у спинки койки и простучал костяшкой пальца сигнал SOS, который использовался бы на старых каменных передатчиках в космических кораблях. Этот сигнал будет получен, даже если у корабля нет никакой другой связи с внешним миром. Вибрации двух связанных между собой камней улавливаются взаимно, в какой бы части космоса, насколько далеко бы они друг от друга ни находились. Мгновенно. Осталось только простучать координаты. Но о своих, даже примерных, координатах я не имел понятия. Поэтому я просто понадеялся на случай и на то, что и этого сигнала будет каким-то образом достаточно.

Совершенно удовлетворенный своей “гениальной” идеей, я мгновенно уснул.

Когда я проснулся вновь, уже начало светать. А на мой сигнал так никто и не откликнулся, что вызвало у меня искреннее негодование. Я послал им сигнал, да как они посмели не ответить на него? Я старался и стучал достаточно четко и громко. Я... а... Кто я?

Поднявшись очень аккуратно и оглядев в полумраке свои минималистичные, но вполне ухоженные и чистые покои, я

направился к предполагаемой двери уборной в нескольких шагах от койки и не ошибся. Собственно, никаких других дверей, кроме той, соседней, что вела явно в коридор, в палате не было.

Это ведь не тюрьма?— меня на мгновение пробрал страх,
— *Не похоже.*

В глубине проснулось искреннее любопытство, кто я такой и почему все мои руки покрыты странной зеленоватой коркой. Это выглядело так, будто я обмотал их рваными слоями тонких полупрозрачных водорослей и так и оставил сохнуть. Когда же я успел это сделать? Совершенно не помню ничего подобного. Судя по всему, я нахожусь в каком-то лечебном учреждении.

Вернувшись вяло вновь к своей постели, изнеможённый от столь глубоких мыслительных процессов, я снова провалился в сон.

В следующий раз, когда я открыл глаза, передо мной, рядом с койкой, уже сидела немолодая женщина. Теплый свет из окна был прикрыт активированной матовой поверхностью, чтобы яркие солнечные лучи рассеивались и могли проникать в комнату, но не нарушать покой пациентов.

— Здравствуй, — произнесла она вкрадчиво, с теплотой, заметив, что я открыл глаза.

Её внешность мне не была знакома, но вызвала почти мгновенное интуитивное доверие. На вид ей было лет пятьдесят. Красивые каштановые волосы длиной чуть ниже плеч лежали легким объемным каскадом. Ухоженное интеллигентное лицо и добрые карие глаза смотрели на меня почти с материнской нежностью. Что-то во мне ёкнуло и взволновалось от того, что на меня смотрят так тепло и пристально. Во мне поднялось странное, почти детское смущение и захотелось одновременно и спрятаться от её взгляда, и продолжать смотреть. Точнее, позволять ей смотреть на меня с таким вниманием и заботой.

Видимо, на моем лице отразилась целая палитра чувств, вкуче с растерянностью, и женщина добавила:

– Не волнуйся. Ты в безопасности. Теперь всё хорошо.

Я кивнул и, наконец опомнившись, тоже с ней поздоровался:

– Здравствуй... те. Здравствуйте.

– Ты что-нибудь помнишь? О том, что произошло?

Я нахмурился, задумавшись на минуту, и все же не смог вспомнить ничего конкретного.

– Ты помнишь, как тебя зовут? – вновь спросила она мягко. Я обратил внимание на её белый костюм и подумал, что, видимо, она – медик. Но может быть, она ещё и кто-то из знакомых мне людей? Ведь она смотрит на меня участливо, совсем не равнодушно. Будто ей важно, чтобы со мной все было хорошо.

– Я... – оглянувшись, я заметил в стене позади себя небольшой темный монитор и прочитал мысленно «08245 Санктиум Показатели стабильны». Сглотнув от волнения и нервно выдохнув, я неуверенно пробормотал:

– Санктиум?

Она слегка улыбнулась, уточняя:

– Ты спрашиваешь или утверждаешь?

– Не знаю, – я растерялся. Медленно поднялся, сел, свесив с кровати ноги. Обратив на них своё внимание, я заметил, что все они были испещрены большим количеством коростинок. Таких, которые уже готовы отвалиться, так как новый слой кожи под ними уже был сгенерирован. Внезапно в моем воображении возникла твердая догадка и я эмоционально выпалил:

– Я катался на работах по трассе и попал в аварию, верно?

Наверняка так и было. Мама говорила, что нельзя ездить на такой скорости, и я чуть не разбился. Должно быть, так и есть.

Женщина покачала головой, как-то странно на меня взглянув, и коротко ободряюще коснулась моего плеча теплой ладонью, прежде чем встать.

– Нет. Всё было не так.

– Не так? – пораженно переспросил я.

– Не так. И ты не первый раз предполагаешь это.

– Не первый раз? – ещё больше удивился я, высоко подняв брови.

Женщина вздохнула и направилась к двери.

– Не волнуйся. На некоторые процессы требуется больше времени. И я чувствую, что очень скоро ты восстановишься достаточно, чтобы помнить то, о чем мы с тобой недавно говорили.

Мне не хотелось, чтобы она уходила.

Неожиданно приятное воспоминание накрыло меня с головой, и я даже улыбнулся, не сдержав победный жест рукой. В воспоминании было столько торжества и гордости. Хотя и слегка злорадной.

– Пойдите! Я вспомнил кое-что ещё. Я был с какими-то людьми. Они играли в сложную игру на деньги. И сперва они меня презирали и не захотели принимать в свой круг, потому что я какой-то... не такой. А затем я обыграл всех их!

От смеси радости, злорадства и триумфа моё сердцебие-ние участилось. Женщина остановилась, повернулась ко мне снова и одобрительно закивала, подбадривая.

– Я помню, как в самом конце остался только я и тот, кто больше всех из них меня унизил. Меня и тех, кто на меня похож... – нахмурившись, я постарался вспомнить почему, но всё не получалось, – и я сделал один довольно смелый и рискованный ход, так же, как и он, но я все равно победил!

Ликование и злорадство затопили всё мое существо. Я радовался так сильно, что был готов одновременно и заплакать, и стиснуть челюсти до боли от чувства горечи, несправедливости. Почему он унижал меня? Как он посмел? И что было

дальше? Кажется, я забрал все деньги, а потом... Дальше я не помнил ничего.

Женщина с интересом и безраздельным вниманием меня выслушала.

– Здорово. Ты молодец. Это новое воспоминание. Подобного ты ещё не рассказывал.

– А сколько раз я уже говорил про гонки на магистрали?

– Десятки раз.

Я прикусил губу.

– Ладно. Надеюсь, больше не буду повторяться.

Она улыбнулась с теплотой, и я даже подумал мельком: вдруг это она – моя мама. Но тут же с болью осознал, что мамы нет давно, и опустил глаза на полы своей синей туники, которую я тоже не мог вспомнить.

– Так я – Санктиум? – уточнил я неуверенно.

Она уже вновь подошла к двери, которая вела в просторный, светлый коридор.

– Ты – тот, кем ты захочешь быть. Поэтому выбор за тобой, – уверенно и по-прежнему тепло ответила она.

Спустя примерно полчаса мне принесли обед два белых дружелюбных робота. На тонкой белой тарелке с одним большим и двумя маленькими углублениями лежала странная, но вкусная еда. Несколько бурых шариков, напоминающих фрикадельки, но явно не мясные; мелкая черно-белая крупа, почти безвкусная, но это было хорошо, так как ею было приятно заедать достаточно насыщенный на вкус жёлтый соус, которым были обильно приправлены какие-то зелёные кусочки овощей.

Непонятный хумус в первом маленьком отсеке — я так и

не разобрался, из чего он сделан. И много свежих хрустящих овощей во втором углублении. Съев всё с неожиданным аппетитом, я выпил пару глотков сока и вновь прилёг. Я чувствовал, как тело восстанавливается и требует как можно больше сна и отдыха.

После непродолжительной сиесты у меня проснулось любопытство и интерес к познанию сути вещей. И, словно уловив мои намерения, в палату заглянула девушка с длинными каштановыми волосами, собранными в хвост, в белой приталенной тунике поверх синих штанов. Судя по всему это была форма учреждения, в котором я находился, потому что на груди блестел серебром всё тот же символ с аббревиатурой, что и у женщины, которая была здесь утром.

– Привет, – я поздоровался с ней дружелюбно и даже весело, садясь на край кровати.

– Привет, – она мне тоже безмятежно улыбнулась и присела на кресло в паре метров от меня.

Её глаза казались мне янтарными. Они подсвечивались так красиво лучами солнца. Её лицо было расслабленным и умиротворенным.

– Меня зовут Лиянки Турим. Можно Лия. Как вы себя чувствуете?

– Гораздо лучше, – ответил я охотно и поправил воротник туники.

Она посмотрела на меня слишком пристально, будто за-

глядывая в мою душу, и от того я начал нервничать, непроизвольно ерзать, словно мне трудно было оставаться неподвижным.

Сглотнув взволнованно, я ощутил, что дыхание перехватывает от чувства, что Лия смотрит слишком глубоко, едва ли не “трогает” моё сердце. Её взгляд и впрямь остановился на моём солнечном сплетении.

Это было странно. Мне хотелось, чтобы она смотрела дальше, но в то же время было страшно, тянуло спрятаться и я стал закрываться от страха себя показать.

– Ой, прости, – кажется, девушка опомнилась, заметив моё выражение лица и попытку отстраниться, – я переборщила.

– Чем? – рассеянно уточнил я.

– Чувствованием, как твои дела. Как идёт выздоровление. У тебя была рана на сердце.

Я усмехнулся, словно услышал нечто забавное. *Чувствую, она права. И буквально, и фигурально.*

Лия улыбнулась, ответив на мои мысли.

– Если рана на сердце у человека фигуральна, то рано или поздно оно заболит и физически. Это лишь причина и следствие...

Кивнув и посерьёзнев, я чуть сжал губы: мне вдруг стало больно. Я опустил глаза, потому что чувствовал, что рана на сердце действительно была. И кажется, я пока даже не догадываюсь о её глубине. Она так глубока, что дна я не нащупал.

– Вопрос времени, – добавила она тихо, задумчиво.

Дыхание моё вновь сбилось, но теперь от чувства беззащитности и уязвимости. Мне вдруг захотелось заплакать, как плачут маленькие дети. Просто так, на ровном месте.

Лия смотрела на меня с теплом и пониманием.

Она продолжила ментально что-то делать – будто бы посылать мне свет прямо в это место в груди, а я мог лишь только принимать его, иногда слегка растерянно поглядывая на неё.

– Ты добрый парень, – сказала она тихо и нежно улыбнулась мне краешком губ. – Просто сердце нужно вылечить, и будет легче жить.

– А ты, точнее вы... – она была будто бы моего возраста, и по привычке я хотел назвать её на "ты". Но ко мне здесь обращались так доброжелательно, что захотелось тоже как-то выразить своё уважение в ответ, из непривычного ощущения благодарности. – Как можно обращаться к вам?

– Как хочешь. Можно и на ты, – с легкой усмешкой она беззаботно и дружелюбно пожала плечами, чем только усилила мою симпатию.

– А не знаешь ли случайно, Лия, как я здесь оказался? Это, типа, больница?

– Это центр, – мягко поправила она, – реабилитационный. До этого ты был в реанимации. Но начал быстро восстанавливаться. И тебя перевели сюда.

Я нервно сглотнул и посерьёзнел.

Хотя бы не тюрьма, – подумал я.

– А что произошло со мной?

– Мы точно не знаем, почему космический корабль, в котором ты был, оказался повреждён и ты едва не разбился вместе с ним на орбите нашей планеты Люцис, но тебе очень повезло. И ты остался жив. Тебя спасли. Почти ничего не уцелело.

– Никаких вещей при мне не было?

Лия качнула головой.

– Ошметки одежды, почти обгоревшей вместе с кожей.

Озадаченно поморгав, я разочарованно кивнул.

– А это что? – я указал на имя “Санктиум” на мониторе. Сейчас под ним высвечивались какие-то медицинские сокращения и цифры.

– Это звучание твоей души в данный момент, переведённое на язык букв, звуков мира материи.

Я прищурился и свел брови гораздо более скептически, чем сам хотел бы показать. Но Лия только снова улыбнулась, как будто её забавляла моя недоверчивая реакция.

– Понятно, – вздохнул я и добавил тихо. – Значит, Санктиум – не моё имя.

В сознании по-прежнему был туман, а все эмоции казались мне контрастными, слишком сильными; могли вдруг набегать, словно прилив, охватывая меня и унося с собой, как это сделала теперь внезапная разочарованность.

Поднявшись, я подошёл к стеклу у кровати, которое ста-

ло избирательно зеркальным, отображая лишь меня, а затем вдруг передумал и резко ретировался в ванную комнату, чтобы не показывать эмоций при незнакомой девушке.

Закрыв за собой дверь, я встретился глазами со своим отражением вновь. На меня смотрел погрузневшим взглядом молодой, на вид почти тридцатилетний, мужчина. Цвет глаз был непонятным, темно-серым, отливающий то болотным, то голубым, в зависимости от освещения. Что это вообще за цвет?

Коротко стриженные по бокам и немного более длинные сверху прямые, почти черные волосы. Одна из маленьких прядей была светло-серой. Седой? Тонкая голая полоска справа над ухом, ближе к затылку, вероятно, после раны. Тоже шрам? Или волосы там позже вырастут?

Что-то внутри меня оборвалось. Я ведь не знаю, кто я. И мне не важно, что я могу быть, кем захочу (как сказала та женщина сегодня утром). Я хотел бы знать, кто я такой и есть ли у меня родные люди.

Я хотел бы знать...

Мои руки задрожали от волнения, будто зачесались под уже ставшим тонким зеленоватым слоем, и я, едва не содрав его от отчаяния, принялся торопливо раздеваться.

Я стянул тунику через голову, снял свободные штаны, и предстал перед своим отражением обнаженным, тяжело дыша. Крепкие плечи были покрыты розовыми полосами свежих шрамов, жилистые тренированные руки – тоже, но меж

ними вились штрихи и геометричные зигзаги темных красок, очевидно, въевшиеся под кожу ради украшения.

Одна татуировка на плече справа изображала звезды, запечатлев их на гладкой коже узором тонких, четких линий. Галактика цвета индиго струилась по плечу до локтя в виде ромба, переходя в чёрную дыру. В зависимости от освещения она меняла цвет от чёрного до фиолетового, а крупная звезда по центру слегка пульсировала люминесцентным светом в такт моему сердцебиению.

Ромб, россыпи холодных звезд, скопления планет напоминали мне маршруты странствий.

Грудь и мускулистый торс были красивыми, но ближе к правому боку тянулся длинный старый шрам, и я почувствовал нутром, как больно было мне тогда, хоть я и не мог понять и вспомнить отчего.

Я попробовал принять любую боевую стойку, представив, что мне сейчас предстоит драться, и тело послушно отозвалось. Ноги слегка согнулись, ладони сжались в кулаки. Я отступил от зеркала на шаг и сделал пару выпадов. Тело откликнулось положительно. Выглядело очень даже неплохо в зеркале, только вот резко заболел живот.

Я скривился и присел бессильно на круглый деревянный выступ, едва не начав задыхаться. Голова закружилась, и мне пришлось сидеть не шевелясь ещё минут пятнадцать, прежде чем я смог подняться и, иногда морщась, осторожно принять душ. Никто мне не сказал, позволено ли мне мо-

чить участки тела, покрытые зелеными лекарствами. Но раз не сказали, значит нанесут ещё. Не мои проблемы...

Когда я одевался в чистую одежду, то заметил цифры на ноге, сбоку, чуть выше голени.

"30.42.80" гласила надпись мелким шрифтом. Знал бы я, что это значит. Но по крайней мере это зацепка. По этим цифрам я однажды, может быть, смогу понять, кто я и откуда. Не для этого ли люди оставляют на своём теле татуировки? Чтобы не забыть о чем-то важном?

Настроение моё всё ещё было весьма паршивым. Я чувствовал себя слабым, а нервы – тонкими, словно тряпка, которая истончилась и может в любой момент надорваться.

– Ладно, – сказал я своему отражению, одергивая и грубо поправляя ворот свежей бежевой рубашки, которую нашел в шкафу ванной.

Хочу чёрную рубашку, что за дурацкий светлый цвет.

– Санктиум так Санктиум. Значит так меня теперь зовут. Уж лучше, чем номер в тюрьме.

Почему я думаю так много про тюрьму? Может, я там был?

Хмурясь, я с излишней силой отодвинул дверь и шагнул в комнату.

Той девушки, Лии, кажется, к счастью, уже не было. Только я один.

Пора разведать территорию, что это за центр.

Глубоко вздохнув и окинув прощальным взглядом свою палату, я вышел в коридор. Мой взор заполонили белые цветы и зелень жизнерадостных растений, тут и там минималистично украшавших стены. Людей не было. Я двинулся направо, к развилке коридоров, откуда доносился шум шагов и звуки приглушенной музыки¹, которая, наверное, должна была вводить меня в расслабленное состояние своей мелодичностью (чего она, конечно же, не делала. Я чувствовал себя скорее диким зверем, который должен был быть начеку, не расслабляться.)

Первое, что мне попало на глаза в небольшом зале на развилке коридоров, была проекция разных активностей, которые можно посетить тем, кто проходил реабилитацию. То есть, очевидно, мне.

С ленивым любопытством я подошёл к стене и, опершись рукой о монитор, начал разглядывать онлайн-расписание ближайших занятий.

– Медитация... фокус на здоровье тела... тренировка.

Фыркнув, я не раздумывая, указал пальцем на тренировку (медитация казалась мне чем-то нелепым). В ответ на мой выбор открылся более подробный список разных мероприятий.

¹ Malte Marten – Blossom

Искусство боя, вот это то, что нужно.

Я ухмыльнулся и, забронировав занятие для себя, направился искать нужный этаж и корпус.

По пути я заметил по крайней мере пять мелких ценных предметов, которые я мог бы “одолжить” и продать после того, как меня в дальнейшем выпишут из этого учреждения. Вряд ли кого-то волнует моё будущее после выздоровления – очевидно, нет: мысль об этом была забавной, словно глупая шутка. Снова, как всегда, сам по себе в этой бескрайней, холодной Вселенной, пустой, равнодушной. Никому никогда

нет особого дела, есть я или нет, жив ли я и когда последний раз ел. Заботиться о себе стоило бы начать прямо сейчас, пока я ещё “восстанавливаюсь”. Такие вещи, как маленький генератор и солнечные батареи, какой-то красный кристалл в центре огромной светящейся картины не представляли особенной ценности, но обеспечили бы мне возможность пропитания (до тех самых пор, пока я не придумаю что-то ещё, очевидно).

Но “одалживать” их, конечно же, нужно, не раньше дня выписки, ведь проследить, кто стащил их, когда пропажу заметят, было бы проще простого и след бы привёл их к моей комнате, пока я ещё живу здесь, а не выпорхнул на свободу. Почему-то я знал наверняка, как затеряться и скрыться. Факт, что я это могу и практикую, не подвергался сомнениям, и это, опять же, наводило на странные мысли о моем сомнительном прошлом.

Ведь люди вокруг на самом деле отличались... выглядели довольно расслабленными, не заинтересованными в воровстве.

Я приостановился и осознал в глубокой задумчивости, что их взгляд не привлекали те вещи, которые можно было украсть, иначе все эти дорогие предметы, лежащие в изобилии без присмотра, давно бы были растащены.

Видимо, у этих людей были деньги, они были гораздо более обеспеченными и уверенными в собственном будущем, чем я. Но почему тогда я здесь? Может быть, им что-то от

меня нужно? Может, я часть эксперимента? Может, мне что-то вживили?

Когда я нашёл то, что искал, и проследовал в небольшой холл, я увидел зал для тренировок через приоткрытую дверь. Девушка за тонкой стойкой первым делом вручила мне большую бутылку чистой воды, настояв на том, что всю её следует выпить под конец тренировки.

– Вода выводит токсичные вещества, которые вы отпустите в ходе занятий. А мастер Онкар Вантелла вам поможет направить ваше внимание на нейтрализацию.

Я лишь скривился в непонимании и с запозданием пробормотал "Спасибо".

Может быть, я перепутал номера занятий на табло. Вроде как здесь должно было быть искусство боя.

Хотя неизвестно, позволят ли мне заниматься, если у меня недавно так разболелся живот. Собственно, разберёмся по ходу дела.

Занятие должно было начаться минут через пятнадцать. Я начал разглядывать какие-то приспособления, развешенные на стене, напоминающие флейты из дерева. На некоторых были выгравированы имена. И на самой левой, темно-черной, я нашёл имя "Вантелла".

– Мастер Онкар Вантелла, – повторил я, прищурившись

с тенью сарказма, видимо, весьма привычного мне, и фыркнул. Вышло слишком недоверчиво или даже с долей презрения, но я правда не понимал: *зачем нарекать себя мастером? Типа, звучит круто? Ради пафоса? Мастер... Или, может, его девушка так в постели называет и...*

Я чуть не подпрыгнул на месте, когда услышал за своей спиной сильный, грудной голос:

– Мастер – значит тот, кто осознает, что он – творец своей реальности.

Я быстро обернулся и обнаружил высокого широкоплечего мужчину лет сорока с короткими темно-русыми волосами. И хотя его голос звучал серьёзно, едва ли не грозно, губы его изогнулись в усмешке, а в светло-карих глазах плясали искры веселья.

Моё сердце ушло в пятки от странного чувства робости.

Уже более плавным, словно глубокая река, тембром, он продолжил, а я почувствовал, будто вибрации его голоса доходят до самых костей, пронизывают меня насквозь.

– ...Может притягивать обстоятельства и направлять фокус внимания, а значит и энергии, достаточно, чтобы оказывать мгновенное влияние и на физическую реальность.

– П-понятно, – я сделал шаг назад, задев неловко локтем инструменты, и снова стушевался на мгновение, решив, что уроню сейчас ту "флейту" на стене за мной. Но она, как оказалось, была намертво прикреплена к белой гладкой поверхности и не шелохнулась бы, если б даже я сейчас повис на

ней.

От моего очередного повода для растерянности мужчина с полуулыбкой качнул головой и вздохнул, а затем коротко позвал в зал для тренировок.

– Проходите, – он указал ладонью в направлении приоткрытой двери. – Как Вас зовут?

– Санктиум, – задумчиво ответил я, пробуя звучание своего имени на языке. Лия была права. Что-то внутри меня откликнулось скорее положительно, чем нейтрально.

Я пошел вслед за ним, все ещё рассеянно поглядывая то на инструменты на стене, то под ноги, пока не оказался в большом круглом помещении с высоким потолком.

Свет лился через большие окна вместе со свежим воздухом. Но свет рассеянный, не яркий, скорее создающий атмосферу большего уюта, чем яркость некоторых белоснежных коридоров в центре, которая лично мне не нравилась. На ярком свете, без тени или приглушенности, я ощущал себя чужим. Словно меня вот-вот могли застать врасплох, поймать за руку. Словно все мои мысли могут прочитать.

Комната обставлена в оттенках бежевого, белого и коричневого с включением темных пород дерева. По размеру зал мог бы вместить в себя пару десятков человек, о чем свидетельствовало достаточное количество кругов для тренировок.

Под ногами лежало несколько больших подушек, и я вскоре устроился на одной из них.

Я думал, что придёт кто-то ещё, и нам придётся ждать, но незнакомец сел напротив и посмотрел на меня тем же пронизывающим, но теплым взглядом, что и Лия.

Я тяжело вздохнул.

– У меня от ваших взглядов скоро глаз задергается, – попытался я дать знать о своём дискомфорте, но мастер только слегка улыбнулся. Будто я сказал что-то забавное.

Ощущать их пристальное внимание было не то что неприятно. Нет. Просто оно вызывало во мне странное чувство, похожее на томительную трату энергии, когда растягиваешь мышцы. Полезную по ощущениям, но неожиданно энергозатратную. Хотелось спрятаться, но в то же время тело не желало убегать и продолжало быть недвижимым. Я лишь поменял позицию, облокотившись о колени.

– Что вы там все смотрите в моей груди? У вас что, ультразвуковое зрение?

Мастер медленно кивнул. Казалось, его внимание было поглощено чем-то другим, внутри меня. Он был сосредоточен.

– Можно и так сказать. Если удобнее.

– И что вы смотрите? – не сдавался я.

– Твои структуры. Энергетическим видением можно все почувствовать и на многое повлиять. Положительно.

– А бой-то будет?

Онкар вскинул взгляд на меня с немым вопросом.

– "Искусство боя" занятие называется. Если вы вдруг не

знали, — с иронией в голосе заметил я.

— Искусство подождёт, — тихо сказал мастер, и я смирился.

Вскоре мне даже как-то полегчало в эмоциональном плане. Немного приятно, что кто-то занят тобой так безраздельно. И как ни странно, скучно не было. Хотя я ничего не делал, просто сидел молча перед Онкаром.

Единственное, что мне вскоре сильно захотелось спать. Так, будто я весь день работал и изучал схемы, разбирал отчёты, копался в новой трудной для осознания информации.

Я прилёг сначала на бок, подперев голову рукой. Затем положил её на предплечье. А спустя полчаса прикрыл глаза буквально на минуту и сразу же скатился в сон, словно в теплое большое озеро по водной горке. Я играл в нем и купался, глубоко нырял, пока не проснулся и не обнаружил, что уже ночь, а в зале я один. Рядом со мной в воздухе парил ночник в форме маленького шара с красивыми мерцающими изнутри звездами.

Вернувшись в свою комнату по тихим коридорам, я обнаружил на столе пару новых книг и маленькую записку от Лии: "Это тебе. Почувствовала отклик поделиться. Если будет желание, почитай."

Первая из книг была в белой обложке, отмечена как "популярная" и называлась "Законы Вселенной и энергий".

Скучно, решил я.

Вторая была в чёрной обложке спереди и светящейся белой сзади и называлась "Путь". Судя по описанию, книга была художественной и история шла о каком-то парне.

Можно почитать. Все равно делать нечего. Все спят, — подумал я, прикусив губу и задумчиво прищурившись.

– Ла-адно, – со вздохом я устроился на кровати и зашуршал страницами.

Странное чувство накрыло меня вскоре: как будто я читал подобную книгу, материальную, в первый раз. До этого были только виртуальные?

Вернувшись вновь к тому же залу в новый день, я поздоровался и спросил с порога.

– Бой-то будет? Исскуство боя.

– Бой не таков, какой ты представляешь, – ответил Онкар, взглянув на меня с улыбкой, насмешливая тень которой была мне непонятна, прежде чем снова погрузиться в то, что выглядело как довольное умиротворение. Он сидел в позе лотоса на том же месте, что и вчера, спиной к огромному окну.

Я сел на круглую подушку напротив, в нескольких метрах от него. Сначала попытался устроиться в той же позе, что и Онкар, но стоило мне перекрестить ноги сидя, как я почему-то начинал заваливаться на спину. Не получалось.

– Растяжку нужно тренировать тебе. И спину лечить, – задумчиво прокомментировал Вантелла.

Я кивнул, будто бы понимал, о чем он вообще говорит.

– А какой тогда бой?

– Энергетический, – ответил Онкар безмятежно, – но для него необходимо и здоровье, сила тела, и сила духа. Энергия

должна течь свободно. Подход комплексный.

– Круто, – сказал я, хотя так пока и не представлял, как можно драться энергетически. Но все равно, это интересовало меня больше, чем остальные творческие или успокаивающие занятия, которые я опять сегодня видел в расписании.

Он снова смотрел на меня некоторое время молча, сосредоточившись на энергетических аспектах.

Затем предложил повторять за ним, обучая, как следует дышать.

А после все же начал давать мне задания для физического тела в несколько чередующихся подходов. Задания на щадящую, начальную тренировку. Живот при этом не болел, а тело откликалось благодарностью и во время, и после занятий.

Моё настроение постепенно улучшилось.

– У тебя относительно хороший контакт с телом, – сказал тренер в конце одобрительно. – Интуитивно ты знаешь, что вы друзья. Продолжай совершенствовать этот контакт и доверие.

– Каким образом? – уточнил я с серьёзным, важным видом, весьма довольный похвалой.

– Общайся с собой. Учись и слышать тело, и сообщать ему о своих намерениях. Ты – главнокомандующий каждой клеточкой. Но в то же время без связи с армией главнокомандующий не имеет силы. Так же, как и армия, без связи с руководством разрознена и асинхронна. Важно уметь и слышать организм, и говорить ему о своём выборе. Чувствовать

потребности и дарить внимание, которое питает и исцеляет тебя. Именно твоё внимание, сфокусированное на себе, твоё присутствие в настоящем даёт тебе возможность создавать, что захочет душа. Договаривайся с ним. Твоё тело – разумное и живое. Оно слышит каждую мысль и слово, оно воспринимает их как руководство к действию.

Онкар прошёл к стене и, надавив на какую-то полосу, взял планшет с выдвинувшейся полки. Подойдя ближе, он вручил его мне.

– В разделе знаний о здоровье есть много книг с подробным описанием этой темы. Выбери то, что тебе придётся по душе. А потом задай вопросы.

– Ладно, – по какой-то странной для меня причине я не смел послушаться и как-то слишком покладисто согласился.

Я хотел пожать ему руку или поблагодарить, но неловко помахав в воздухе рукой, поспешил покинуть зал. Он спокойно наблюдал за мной с беспристрастным выражением лица и периодически появляющимися в таких ситуациях искрами то ли веселья, то ли смеха во взгляде. Будто Вантелла иногда потешался над моим неловким поведением в новой для меня среде. И это вызывало странную смесь чувств.

С одной стороны, это раздражало, но с другой, я чувствовал, что меня не жалеют (что хорошо, учитывая статус выздоравливающего. Жалость я терпеть не мог). И почему-то я ощущал, что меня таким образом приняли за своего (не знаю почему, ведь усмешка – это почти что издевательство?). За

того, кто с этой усмешкой морально справится. За достаточно уверенного в себе человека, который, правда, пока таким не выглядел. Хотя обычно, мне так кажется, я был уверенным в себе. Или... мне так только кажется?

Энергетика Вантелла ощущалась слишком мощно, чтобы я мог иметь какие-то возражения относительно возможности боя без физического контакта. Несмотря на то, что я был всего немного ниже Онкара по росту, ненамного младше (хотя вот в этом, как я узнал, нельзя быть никогда уверенным наверняка на Люцисе. Порой я не мог определить даже примерно, сколько десятков лет человеку передо мной – ему сто лет или пятьдесят. После достижения определенной зрелости следы возраста у местных чаще отражались в их взгляде, чем во внешнем облике), и телосложение у нас с ним не сказать, чтоб сильно отличалось – нормостеническое, (но все же, стоило признать, что я был худощавее), я чувствовал от Онкара такую силу, что не сомневался, что он мог с легкостью оттолкнуть меня к стене и по ней почти размазать. Я даже скривился, идя по коридору, слишком легко вообразив, как больно было бы моему торсу справа, там, где тянулся длинный шрам, ощутить его энергетический удар, будто когда-то уже мог испытывать подобное на опыте. Не было никакого желания пробовать его способности на практике.

Я слонялся по центру, который оказался гигантским сферическим зданием со множеством этажей и отсеков, знакомился с другими его постояльцами и болтался неподалёку от Лии и Онкара, когда у них были занятия.

Лия была специалистом по психосоматике и иногда вела лекции, но мне просто нравилось с ней общаться на разные темы, не связанные с психологией. Она была симпатичной и доброй и никогда на меня не давила, хоть и советовала массу разных вещей (непонятно, как она делала это, не вызывая во мне желания взбунтоваться и поступить наоборот).

Онкар продолжал давать мне упражнения на дыхание и прочие несерьёзные на мой взгляд вещи, но я всё равно посещал все занятия, на которых порой было много участников – в основном мужской контингент. Иногда люди разделялись на группы и у каждой были свои упражнения.

Спустя неделю я выбрал себе несколько новых комплектов одежды черного цвета: кофта с капюшоном, зауженные книзу штаны из плотной ткани, футболка. На груди – однотонное матовое изображение космического шаттла в том же цвете, но другого оттенка. Да, у чёрного, на самом деле, много оттенков!

Черная куртка из грубого материала, туника с косой асимметричной застежкой, длинная черная мантия, свисающая косыми остроконечными лоскутами по бокам. Цвета индиго лишь две вещи: верх и низ мягкого, шелковистого костюма для сна.

Заказанная мною одежда немедленно прибыла в телепортационный шкаф в зале заказов. Только потом я заметил, что почти никто в корпусе, кроме меня, не обладает подобным пристрастием к чёрному. Онкар вечно ходил в чем-то длинном и светлом, то белом, то бежевом, то коричневом. А Лию явно тянуло на стиль изящного минимализма, оттенков морской волны или нежно-желтого.

Остальные – тоже себя выражали по-разному, в основном выбирая цветную одежду. Я был белой вороной, но наобо-

рот.

Хотя окружающие, кажется, на самом деле не обращали на цвет моей одежды особого внимания. Мне казалось, что если я даже разрисую лицо краской и побрею голову, оставив несимметричный остров волос над своим ухом, они тоже пожмут плечами и скажут, что если мне от этого радостно, то это здорово. Точнее, они даже не станут ничего говорить, просто, если ты никому не вредишь, делай то, что хочет душа, “ведь мы все одно”, как они выражаются. Мол, “раз мы все одно и моей душе от этого радостно, а душа моя – часть одного целого, любви, значит это будет в глобальном смысле во благо и всем другим”. Но речь не о том, чтобы требовать от других делать то, что ты хочешь, а наоборот, знать, что каждый свободен делать то, что ему по душе, и уважать желания как своей души, так и других. Это я услышал сначала от Лии, а затем и от Онкара. А потом обсудил с каким-то парнем за завтраком, который тоже был новеньким в отделении реабилитации, и мы оба так до конца и не поняли, как всё это работает в масштабах планеты.

Я забыл, как его звали, этого парня, а в следующий раз уже будет неловко спросить... Я могу сказать наверняка, на какой странице книги, в какой её части, был некий нужный мне абзац, могу за секунды запомнить множество чисел, воспроизвести достаточно точно диалог недельной давности, но из десятка людей, с кем я уже здесь успел познакомиться, я помню только имена Лии и Онкара, потому что вот такая

вот у меня память на имена. Мой мозг, очевидно, считает, что имена новых знакомых мне попросту не нужны – что-то лишнее, без доли сомнений. Их можно выкидывать сразу же из оперативной, не то что из долговременной памяти. Оставляем только имена самых важных людей просто из-за того, что мы все время общаемся с ними и их практическая актуальность постоянно поддерживается.

Кстати о том, что я вообще могу заказать себе какие-то вещи, пока прохожу реабилитацию в центре, мне поведала Лия перед тем, как предложила впервые сходить на приём к энергетикам. Я не особо знал, кто это такие, но девушка объяснила, что они могут помочь мне, с моего позволения, освободиться от части энергии, которая является грузом и не служит во благо развитию. Всё, что мне будет нужно, посидеть немного в энергетическом зале среди других посетителей и назвать им свое имя. Этот процесс сначала может вызвать сонливость, легкое головокружение, тяжесть в голове или даже неожиданное желание заплакать от непонятно откуда взявшихся эмоций (этот пункт мне особенно не понравился), но это абсолютно нормально, как уверяют местные, ведь зато со временем мне станет легче психологически и физически. Я спросил, может ли это помочь против сильных головных болей, которые возникают у меня постоянно, и Лия подтвердила, что энергетические сессии определённо могут иметь хороший эффект. Но со временем. Особенно в

комплексе с посещением специалиста по психосоматике.

Я неохотно ответил, что ко всяким психологическим штукам я не готов определенно, но пойти посидеть молча в зале смогу, раз от этого мне может становиться лучше.

Когда я часом позже сидел вместе с другими посетителями в небольшом зале приёма, спать не хотелось и внезапных эмоций у меня тоже не возникало. Единственное, что я ощутил спустя полчаса, это непривычная тяжесть на правом плече, словно там все это время висел здоровенный рюкзак и мышцы устали. Потом мне сказала женщина-энергетик, что у меня идет “выход” по роду отца и может быть “тяжеловато”. К счастью, ощущение вскоре прошло.

Почему-то на этом приеме мне совершенно не было скучно, как я мог ожидать. В иных обстоятельствах, если бы мне нужно было неподвижно сидеть без занятия целый час, я бы извелся, замучился, но на приеме я чувствовал, словно во мне происходят бурные процессы, минуя сознание. Это как если бы я думал о чем-нибудь интересном и важном, имеющем для меня смысл, но при этом процессы проходили бы глубже уровня моих мыслей.

Голова сперва не кружилась, но когда мне сказали, что на сегодня всё готово и я могу идти, я встал, и только после явно почувствовал, что всё вокруг слегка нестабильно. Странное головокружение, словно я космонавт, продолжалось несколько минут, пока я шёл вздремнуть.

В другой день, когда я снова пришёл на приём, головокружение уже не повторилось. Энергетиком мне было рекомендовано пройти целый курс. Её звали Ойяри Ха. Фамилия “Ха” меня забавляет, ведь звучит так, словно она усмехается кому-то в лицо, когда представляется. Фамилию я точно запомню легко. Но не имя, естественно. Точно нет, при всем уважении.

Порой меня накрывало чувство, что я не нужен. Абсолютно отчетливое, однозначное, как аксиома, не требующая аргументов. И сегодня я проснулся в таком настроении.

Оно наполняло густым туманом мои легкие, делая тяжелее каждый мой вдох и выдох. Иногда ощущение было зябким, болезненным, словно где-то под ребрами гулял сквозняк.

Я задавался вопросом, есть ли смысл в том, что я существую, есть ли причина мне вообще существовать, а если и есть, то какая? Зачем?

Все эти люди вокруг меня кажутся удивительно вдохновленными чем-то, словно в их жизни есть смысл, но как они обрели это чувство? Всё, чего мне хочется в данный момент, – это спать. Но столько спать невозможно, потому что, если я сплю дольше двенадцати часов за один раз, у меня начинается

болеть голова.

Я умылся, принял горячий душ и, усевшись на край своей койки в одних шортах, съел пару больших ломтиков сушеного манго. Они нравились мне, и я взял с собой несколько упаковок вчера из кафе, утащил к себе в комнату.

По крайней мере, теперь меня не терзало чувство голода сразу с утра, когда хочется просто лежать и никуда не идти.

Но всё же, что я здесь делаю? И есть ли в этом всё-таки какой-либо смысл?

От нечего делать, я взял небольшую коробочку из темного дерева с тонкими металлическими клавишами, которые при нажатии издавали нежные, почти хрупкие мелодичные звуки. Этот музыкальный инструмент² в моей комнате вчера оставила Лия. Особенность его была в том, что для игры особые навыки человеку не требовались. Достаточно было расслабиться и просто импровизировать, находя свой собственный ритм.

Когда я играл, полое дерево приятно вибрировало и частоты меня успокаивали, хоть мелодии мои и не являлись шедеврами. Я мог на какое-то время погрузиться в звучание, похожее на колыбельную.

Я играл почти полчаса, периодически задумчиво приостанавливаясь, прежде чем мысль, что *никому не нужно то,*

² Земным аналогом музыкального инструмента является “Калимба”

что я делаю, с неожиданной чёткостью вдруг пронзила меня. Это чувство нахлынуло, словно большая волна, охватило меня целиком, выбило несколько слез, когда я отдался ему полностью, и ушло столь же резко спустя пол минуты, оставляя после себя намеки на частичное облегчение.

Я немного растерянно остановился, ошеломленно подумал: “что это только что было?”, а затем вновь продолжил играть, потому что я просто хочу этого в данный момент, а потому... буду.

Учеников у Онкара было то много, то несколько, то я был один. Количество все время разнилось из-за текучего онлайн-расписания и интуитивного ритма, по которому, кажется, жил весь центр, если не вся планета Люцис.

Чем меньше учеников, тем более индивидуальными были задания, которые, как сказал Онкар, ему *приходили* в потоке для комбинации тех людей, которые посетили текущую тренировку.

Сегодня мы делали упор на общую растяжку и равновесие, а также центрирование внимания на себе. Честно говоря, это было даже приятно, и мой организм откликнулся особенной благодарностью, пока я мягко растягивал и разминал те мышцы, которым обычно моё внимание не уделялось. Вантелла посоветовал мне и ещё паре людей быть бережны-

ми, особенно чуткими к ощущениям и не особо усердствовать, пока тело каждого из нас ещё восстанавливалось.

Мы сидели на круглых ковриках в конце занятия, перекрестив ноги, и последовательно направляли внимание на разные органы и группы мышц, прикрыв глаза и держа ладони с идущей от них теплотой напротив мест фокуса. Это было немного скучно, но в целом, приемлемо, хоть сначала мне и показалась идея такого воздействия на физиологию несколько странной. Какой-то эфемерной, неубедительной. Но Онкар, словно прочитав мои мысли, сказал, что воздействие наше столь эффективно, сколь сильна вера в свои полномочия и возможности.

– Вера – это знание о том, что ты и есть творец, частица Бога, а потому то, во что ты выбираешь верить в глубине себя, исполняется в твоей реальности.

Во мне шевельнулось некое чувство признания и интуитивного узнавания информации. Словно пазлы сошлись, и я вспомнил то, что уже знал на своем опыте. Откуда-то я был уверен, что его слова – это правда, а затем у меня заняло то место на правом боку, где находился шрам.

– Вера происходит из единства со своей душой, которая и есть часть Творца.

Онкар продолжал, сидя напротив нас с умиротворенным видом. Иногда он говорил и наблюдал, но большую часть времени делал всё вместе с нами, сосредоточенно прикрыв глаза.

Я положил обе ладони на правую часть живота и сфокусировался опять на дыхании.

Каждый орган, по словам Онкара, обладал своей частотой. Человек мог почувствовать, в каких точках тела энергия течёт негармонично, застаивается, и воздействовать как физически – упражнениями, порой полностью интуитивными, так и энергетически, направляя поток энергии на самоисцеление и восстановление.

Я почувствовал, что мне, пожалуй, нужно размять поясницу, и начал наравне с остальными учениками в конце за-

нятия исполнять именно те движения, о которых просил организм. Я потягивался вверх на носочки, медленно делал наклоны вбок, взад и вперёд, немного вращал корпусом, ощущая приятный, отчетливый отклик тела, когда я, импровизируя, делал именно те движения, которые были нужны. И если сперва мне было неловко, то в конце я так увлекся, что забыл о существовании окружающих, которые тоже были заняты каждый своими, порой даже причудливыми, телодвижениями.

Когда мы закончили, Онкар всех нас похвалил. Сказал, что контакт со своим телом у каждого был замечательным и что такую интуитивную зарядку желательно делать как можно чаще – так часто, как тело попросит. Главное – слушать себя. И на любовь оно будет отвечать безусловной взаимностью.

Порой меня тревожили мысли о том, куда же я пойду после завершения реабилитации. *Если я так и не вспомню, кто я. Разве у меня есть дом? Разве его мне дадут? Как всё будет? Что я буду делать и кем работать? Я вообще что-то умею? Нужно срочно выяснить это. И вообще, сколько ещё продлится моя реабилитация...*

Я спросил об этом у Лии на следующий день, когда она

пришла вновь ненадолго, чтобы немного со мной поговорить и опять посмотреть на меня своим "волшебным" взглядом. Точнее на моё солнечное сплетение, в основном.

– Столько, сколько понадобится, Санктиум.

Затем она взглянула на меня понимающе, чуть наклонив голову.

– Ты волнуешься о том, куда пойдёшь после курса восстановления?

Я неохотно кивнул головой, с полуулыбкой согласившись с её предположением. *Кажется мне, они слишком часто будто бы считывают мои мысли. Или, может, они и правда их читают?*

Эта догадка мне не понравилась. Вызвала тут же желание закрыться, будто мои мысли априори “грязные” и их непременно нужно спрятать, чтобы быть достойным общества этих людей.

– Ты сможешь найти любое понравившееся тебе занятие на благо себе и миру в центре и заниматься им и после восстановления. И жить здесь, на этой планете, например, в жилом городке, рядом с центром. А можешь и вне центра что-то найти. Но уже немного позже, – мягко рассказывала Лия, смотря теперь просто мне в глаза.

Её идея показалась мне довольно вдохновляющей и неожиданно обрадовала.

– А как узнать, что я могу делать?

– Обратись в один из центров призвания. Он есть на той

же территории, что и это здание. Ты хоть выходил на улицу?
– Нет... – растерявшись от неожиданного напоминания, сказал я. Почему-то я даже не подумал о возможности прогулки.

– Голова не болела вчера или сегодня? – поинтересовалась девушка.

– Болела. И вчера и сегодня.

– Больше проводи времени на свежем воздухе, гуляй, впитывай энергию от солнца, природы, и болеть будет гораздо реже. Днем и центр призвания в беседках расположен, так что, считай, два в одном.

Я улыбнулся и впервые, мне кажется, с чистым сердцем произнес:

– Благодарю.

Мне стало так спокойно на душе. Оттого, что я не бездомный. Что у меня есть шанс найти свой дом, обосноваться, обрести почву под ногами.

Это казалось таким невероятным, странным, будто никогда у меня такого не было.

Я почти почувствовал себя в это мгновение счастливым.

Не имея ни малейшего представления, что это такое, я пошёл на занятие по созерцанию.

Оно проходило на зелёной лужайке, прилегавшей к углу

одного из корпусов центра, в тени большой и высокой сосны с густой кроной и длинной раздвоенной хвоей.

Был тёплый день, и эта тень создавала идеальную для меня температуру – я сидел на полотенце прямо в центре лужайки, утопая босыми ногами в шелковистой траве (отсутствие обуви – это важно, как мне сообщил пожилой мастер). Между участниками созерцания, сидящими вразнобой, было метров по пять.

Задание было расслабиться, слушать шум ветра и любоваться, как крошечные юркие птички строят гнездо, летая туда-сюда у нас над головами. Хочу сказать следующее:

Качественно расслабляться и наслаждаться – одна из самых иллюзорно простых для человека вещей.

Было сложно не уходить в свои мысли. Но потом я втянулся. Есть что-то в природе такое, что восстанавливает, делает отдохнувшим. Я подумал, что почему-то сидел постоянно в стенах здания вместо того, чтобы выйти на улицу хоть иногда, как все остальные.

На следующий день на той же лужайке были снова занятия, когда я туда забрёл. И я тоже, не зная даже названия, решил к ним всё-таки присоединиться.

Несколько люцисианцев бросили на меня искренне дружелюбные взгляды. Это всё ещё вызывало у меня порой замешательство. Многие местные вели себя так, словно мы уже были с ними приятелями, просто ещё не знакомы друг с дру-

гом.

Задания были простыми и сложными одновременно.

К примеру, обращать внимание на напряжение в теле и сознательно расслаблять эти мышцы (У меня постоянно напряжена была челюсть, надбровные области, плечи. И я, обнаружив это опять, вздыхал глубоко и отпускал, расслаблялся). Или наблюдать, как энергия течёт в моем теле – тут я до сих пор ничего не почувствовал, но не стал раздражаться. Мне сказали, что всему своё время.

Я стал периодически приходить на эту лужайку тогда, когда там никого не было (порой даже ночью), снимать обувь и просто смотреть, изредка получая хвоинкой от дерева прямо в лицо.

– Это пощёчина или подарок? – я спрашивал, но сосна только шумела, покачивая миролюбиво, кокетливо своими хвоинками и выделяясь темно-зеленым пятном посреди яркого сине-фиолетового неба.

– Ты красивая, – сказал я в ответ на её молчание, усмехнувшись, перекатывая между пальцами зеленую хвою.

Изучив татуировку с числами на своей ноге, я не обнаружил подсказок в самих цифрах. Но вместе с ними под кожу, как оказалось, были вбиты "пропускные частицы", которые

были синхронизированы с кораблем и могли предоставить мне доступ на космический шаттл, в каком бы состоянии я ни находился. Своего рода ключ, который всегда был при мне, открывавший мне двери как физически (при нахождении корабля на планете), так и при технологической телепортации на корабль извне. Только вот шаттл тот уже был разбит вдребезги на орбите планеты.

– А неужели нельзя проверить моё ДНК по базам и выяснить все же какие-то данные, хотя бы с какой я планеты?

– Судя по данным ДНК, ты не являлся гражданином ни одной из планетарных колоний, – ответила Лия, потупив взгляд.

– Что?.. – удивился я и озадаченно нахмурился. – Понятно.

Сегодня я проснулся так поздно, что уже ощущал себя довольно голодным. Умылся, оделся и поплелся по коридору, а затем по круглой лестнице, водя кончиками пальцев по шероховатой поверхности её бежевых стен.

Еда в центре была очень вкусная, но спустя три недели я внезапно узнал, что все это время ел “мясо”, сделанное из растений, а не из животных, что слегка разочаровало. Было чувство, будто меня обманули. Хотя, какая мне, собственно,

разница, если я даже не смог этого заподозрить.

Ближайший ко мне кафетерий (а в каждом корпусе их было несколько) был чистым, уютным залом с минималистичным дизайном и преобладанием в интерьере белого и светло-оранжевого цвета. Обилие высоких зелёных кустарников, растущих из ниш на полу, приятно расслабляло меня. Их широкие листья ненавязчиво отгораживали зоны со столиками друг от друга, создавая чувство легкой приватности.

Стоило мне войти в зал, в котором я успел уже изрядно освоиться, как какой-то мужчина за столиком вдруг уставился на меня так, словно на моем лбу была нарисована какая-то личная угроза ему.

Я проигнорировал его взгляд и молча прошёл к свободному месту позади и немного сбоку от незнакомца.

Когда я стал выбирать желаемый завтрак из интерактивного меню, встроенного в мой небольшой белый стол, этот белобрысый мужчина вновь повернул голову и искоса посмотрел на меня. А как только я поднял свой взгляд, отвернулся.

Когда это вновь повторилось, моё терпение резко закончилось и желание разобраться, в чём дело, затмило утренний голод.

Я встал, преодолел расстояние до его столика за две секунды и оперся ладонью о поверхность стола, отчего незнакомец едва не поперхнулся собственным супом, распахнув

глаза от неожиданности.

– В чем дело? – хмуро потребовал я ответа, прищурившись так, словно планировал отобрать у него его деньги, жену и собаку.

– Э-э... прошу прощения?

– Проблемы какие-то? – я опомнился, что мы не в переулке и перестал опираться на стол, запоздало стараясь придать выражениям максимально вежливый тон.

– Нет, – сказал он таким голосом, как если бы был партизаном на допросе.

– Вы смотрели на меня, будто что-то не так.

– Мне показалось, что я вас где-то видел, – наконец сдался он.

Я прищурился, на этот раз заинтересованно, и даже слегка улыбнулся.

– Это довольно-таки интересно. Позвольте присесть? – казалось, я вмиг превратился в жеманного джентльмена.

По лицу его было понятно, что он, мягко сказать, не в восторге от перспективы общения, но он молча кивнул.

Я уселся напротив него.

– Итак, – спросил я в нетерпении, – где вы могли меня видеть?

Мужчина, кажется, не понимал и совершенно не разделял моего энтузиазма.

– Точно не помню, – сказал он, потупив взгляд и ковыряя усердно какой-то красный салат на тарелке.

Торговаться. Нужно как-то его уговорить.

Я пытливо рассматривал простое, слегка одутловатое лицо человека, стараясь придумать, что я мог бы ему предложить.

Деньги. Но здесь всё бесплатно, да и я ещё ничего не своровал, чтобы это могло его заинтересовать (о чем прямо сейчас даже слегка пожалел). Он явно чувствовал себя неуютно и даже как будто... боялся меня?

– Если вы скажете всё, что знаете, я гарантирую Вам, что больше никогда к вам не подойду.

Он поднял взгляд, впервые, кажется, по-настоящему заинтересовавшись.

– На самом деле я действительно не уверен... – начал он нерешительно и снова замолк.

– Да хватит уже ломаться! Это важно... – я в последний момент сдержал пару ругательств, посмотрев на него весьма выразительно.

– Хорошо, хорошо! – он сглотнул и шумно вздохнул. Затем выдавил сдавленно:

– Кажется, мой брат вас разыскивал.

– Брат? – я нахмурился.

– Да. Мой брат работает в ОМСЗ³... и... ваше лицо... оно. Было там.

³ Объединенные межпланетные силы – военная организация, контролирующая безопасность на всех планетах, колонизированных людьми. Базируется на планете Земля-2. Расходясь с планетой Люцис в методах и подходах, имеют с ней политически натянутые отношения.

– Где “там”?

– Особо опасные личности. В розыске, – едва дыша вымолвил он, словно боялся, что я заколю его его же столовым прибором, даже если это окажется ложка.

– Ясно...

Мне стало всё вдруг предельно понятно в его поведении. Крайчики моих губ неожиданно поползли вниз. Я невесело усмехнулся.

– А имени ты не помнишь?

Он покачал головой.

– Ничего больше не помнишь? – настаивал я.

– Нет, – сказал он, не шевелясь.

– Да успокойся ты, ничего я тебе не сделаю! – не выдержал я наконец. – Видишь, никакого оружия. Ничего особо опасного, – я демонстративно потряс руками в воздухе.

Он не особо проникся моим аргументом, и мне пришлось продолжать его успокаивать.

Быть криминальным авторитетом в чьих-то глазах – это, конечно, в чем-то приятно, но на самом деле я уже не хотел, чтобы парень так шарахался от меня. Почему-то мне было даже немного обидно.

Противоречивые чувства вдруг яростно закопошились во мне. Меня тянуло подыгрывать его страху и вести себя как человек, которого стоит бояться. Но узел тревоги, тоски и странной досады скрутился в груди и опустился в живот. Свои переживания я показывать ему не собирался.

– Послушай, давай начистоту, – откинувшись немного вальяжно на спинку стула, я заговорил самым проникновенным и искренним тоном, на который был только способен. – Если это и вправду был я, там, то сейчас – я уже на реабилитации. Я тебе не наврежу. Мы же в центре!

Белобрысый наконец начал потихоньку оттаивать, словно вспомнил впервые, на какой планете находится. Кровь вернулась к его лицу.

Подмигнув ему, я поднялся, чистым чудом сдержал порыв прошептать: “Но баланс твоего счета я бы, на твоём месте, проверил прямо сейчас”, и ушёл к своему месту, оставляя парня в покое, в целости и сохранности, к его явному облегчению.

Пока что картинка моего прошлого складывалась весьма однозначная... при условии, что белобрысый не обознался, конечно.

“Людей я отпускал. Говорил: “Уходите, здесь начался пожар”. И сам же его начинал”, – я бормотал эти строки все утро, не зная, является ли это частью странной песни или взято из каких-то стихов.

Я спросил сначала у Лии, но она мне сказала, что никогда такого не слышала, и посоветовала уточнить у одной из панелей искусственного интеллекта или у роботов. Но те тоже

ответили отрицательно, не найдя особого сходства среди каких-либо произведений.

Пару дней, делая вид, что я ищу ответ на то, откуда могут быть эти строки, я выслеживал на самом деле планшет, располагающий всеми моими медицинскими данными. В частности, какой-то информацией, о которой мне могли не сообщить. Я искал ниточки к опровержению или же подтверждению слов белобрысого.

Планшет исчезал вместе с медицинскими сотрудниками в зале, который служил подобием тамбура перед комнатами отдыха для персонала.

Подложить в проем что-то, чтобы дверь до конца не закрылась, было просто. Подгадать время, когда в зале никого не будет, – тоже. Когда я обнаружил планшеты, стоящие в ряд справа от входа просто в нише стены, без замка, я обрадовался. Но так, с ходу, не смог его разблокировать, и потому мне пришлось быстро спрятать добычу под свою кофту и утащить в укромное место.

Укромным местом я избрал заранее угол под большими, лежащими один на другом, матрасами для тренировки прыжков. Под самый последний, такой круглый мат, прислоненный к стене, я и забрался.

Но планшет не давал мне зайти. Экран просто горел мягким белым свечением, не включаясь так, как обычно просто активизировался за мгновение у медперсонала, без кодов доступа или считывания каких-то параметров.

Я стал раздражаться. Он не давал мне возможности попытаться взломать его – мог бы хотя бы мне предоставить какой-то запрос на пароль или продемонстрировать что-либо, помимо белого цвета. Неужели я взял тот, что был сломан...

Но совершенно внезапно, когда я начал уже беспорядочно тыкать в экран и готов был стукнуть об пол (хоть ему ничего б и не сделалось, так как он был неубиваемый), экран вспыхнул красками и показал мне мой личный профиль с подписью “Санктиум”.

Я жутко обрадовался и принялся не медля читать документ.

Взгляд жадно бежал по строчкам с медицинскими данными. Все, что я смог там понять, это описания моих повреждений, которые *“были получены в ходе крушения шаттла о Стену планетарной защиты планеты Люцис”*.

Сотрясение головного мозга, амнезия, перелом 5-6 ребер слева, проникающее ранение брюшной полости, внутреннее кровотечение, перелом правой кисти, предплечья... и прочие термины, описывающие то, очевидно, как была немила со мной жизнь. Я сидел так, согнувшись, на корточках, прильнув к стене, пару минут.

“Согласие на энергетическую, психологическую и медицинскую помощь дано: на тонком плане.” – это ещё что означает?

– Ну как? – от низкого голоса, звучащего совсем рядом, я вздрогнул всем телом. Мужской голос звучал иронично, сопровождаемый небольшим эхом в зале. – Нашёл, что искал?

Я вздохнул, осознав, что выдал себя с потрохами. Или весьма вероятно, меня выдали скрытые системы слежения. Или тот же самый планшет распознал, что я не медперсонал и послал сообщение.

Я выбрался из-под укрытия с невозмутимым видом кота, который уронил все цветы, но никогда не раскается. Я допускал, что пропажа не останется незамеченной – мало усилий и времени на подготовку, так как я был нетерпелив; недостаточно инструментов и изучения местных защитных систем. Всё, что мне было нужно – это успеть прочитать, что написано в моей карте. Подумаешь, хотел посмотреть свои собственные медицинские данные. Да я имею на это полное право... Но обнаружив перед собой Онкара, я внезапно смутился.

Он лишь усмехнулся, сверкнув белой улыбкой.

– Просто спросить – не судьба?

Я закатил глаза.

– Откуда я знаю, может быть, мне бы сказали не всё?

Он кивнул понимающе.

– Тебе говорят всё, что чувствуют.

– Что это значит? – раздраженно поморщившись, уточнил я.

– В потоке приходит чувство, что и когда лучше делать. Мы все одно, и у нашего общего подсознания, так назовем, есть ответы на то, как лучше поступать в каждый конкретный момент. И если человек настроен на восприятие ин-

формации из своего подсознания, которое является частью общего, то он сможет поступать интуитивно самым лучшим образом – так, как будет лучше для всех.

– Хорошо, – я прищурился недовольно, но понял, о чем он, – и что из этого следует?

– Что люди тебе говорят то, к чему ты готов. Но решили они это не от сознательного заключения логики или ума, а из постоянного чувствования. Как онлайн табло действий и откликов, которое обновляется ежеминутно. Собственно, эта концепция касается всей нашей жизни на этой планете, а не только этой ситуации. Мы все ориентируемся в основном на глубинное чувствование души, которая представляет собой часть одной вечной энергии творчества и любви.

– Творчество и любовь – звучит не про меня, – проворчал я всё с той же интонацией, словно это Вантелла был виноват в том, что я пойман с поличным.

– Про тебя... про тебя, Санктиум, – негромко ответил мужчина, слегка улыбнувшись. Шутливо-веселое выражение к этому времени уже исчезло у него с лица, сменившись доброжелательной безмятежностью.

– Короче, вы что-то знаете, но мне не говорите, я правильно понимаю? – уточнил я с нажимом, считая, что лучшая защита – это всегда нападение.

Онкар заулыбался ещё шире, словно что-то в моем внешнем виде и тоне умилило его и почти насмешило.

– Пойдём... Положим на место планшет, - сказал он.

Я недовольно задержался, не желая отступаться так просто от ответа, который он должен мне дать.

– А кувырок через плечо ты делать умеешь? – уточнил Онкар серьезно, уже разворачиваясь к выходу из спортивного зала.

– Что? – мне пришлось сделать пару шагов, чтобы не отставать, – какой ещё, мать его, кувырок?

– Ну такой, “спецагентский”, – пояснил Вантелла с усмешкой, – когда мы смотрели, как ты похищаешь планшет, то Марисска сказала, что нужен ещё кувырок для эффектности.

Да он издевается надо мной...

Я побагровел. Возмущенно двинувшись к выходу, обогнал его, на ходу едва не бортанув плечом его плечо.

– Планшет кстати открывает доступ, считывая энергополя сотрудников центра при их приближении. Некую особую частоту, которая неизменна, обычно... Ещё может распознавать телепатические команды, если способность естественным образом их передавать у человека достаточно развита...

Но я не слушал его, торопливо поднимаясь по лестнице, чтобы уйти в свою комнату.

Периодически я оказывался на тренировках с учениками, более продвинутыми во владении искусством бесконтактных воздействий.

На одном из упражнений они становились по парам в соответствии с достигнутым уровнем и, выставив вперёд правую руку, перекрещивали запястье с запястьем противника. Колени немного согнуты, взгляд устремлен друг на друга. Задание было, покачиваясь и воздействуя на энергетическом уровне, лишить оппонента равновесия и опрокинуть, касаясь друг друга только запястьями.

Со стороны это занятие казалось забавным и лёгким. Я заметил, как Онкар поймал мой скептический взгляд и повел бровью, предвкушающе усмехнувшись, говоря как бы: “Ну, попробуешь сам сперва, прежде чем делать выводы, умник”.

И когда я попробовал сам, то смог ощутить абсолютно отчетливо, как воздействует на меня энергетическое поле другого ученика с длинными светлыми волосами, которого звали Лаурен. Я мог даже почувствовать приблизительные границы его поля и услышать каким-то внутренним чувством, как энергия оппонента легонько потрескивает, подобно напряжению электричества.

Спустя полминуты я уже свалился на мат и получил невероятно довольный взгляд Онкара, который наблюдал за мной с любопытством.

– Ну как? – спросил он с улыбкой, будто вот-вот лопнет от счастья.

За это мне захотелось пнуть его по ноге, но Лаурен дружелюбно подал мне руку, и я отвлекся, схватив его за запястья и быстро поднявшись.

– Как я могу сфокусироваться на настоящем, если мысли приходят ко мне постоянно и я ухожу в них, – ворчал я недовольно, словно кто-то другой был виноват.

– Тебе нужно делать то, что тебе интересно.

Я многозначительно поднял бровь.

– Спать, – хмыкнул я, – мне интересно.

Онкар фыркнул и посмотрел на меня с выражением “шутка что ли?”.

– Что ещё? – уточнил он терпеливо.

Я тяжело вздохнул, словно меня кто-то допрашивал. Лениво пнул белый камень и просмотрел с любопытством, как тот покатился по склону до самого берега мелкой реки. Обернувшись, заметил, что Онкар тоже за ним наблюдал.

– Головоломки, – изрёк я с напускным равнодушием.

– Головоломки? – Ван выгнул бровь, – что-то новенькое.

– Да. Чтобы я мог разгадать какой-то шифр или загадку... Подобрать код, разобраться. В игре, например. Стратегия, логика.

Онкар уважительно изогнул губы.

– Это важно. Много где может быть кстати. Предлагаю искать такие занятия, где бы этот навык использовался, и тогда ты будешь больше присутствовать, ведь тебе интересно. Центр призвания может тоже в этом помочь.

Я пожал плечами.

– Я не спорю. А что ещё можно сделать для концентрации в настоящем, о которой все вечно твердят, как сговорившись?

– Включая меня, – Онкар усмехнулся.

– Включая тебя.

– Видимо, вся Вселенная твердит тебе это, а люди проводят в потоке фразы и слова для тебя.

– Всё это прекрасно звучит, но слушать об этом мне уже надоело, – я повернул к нему голову, – поэтому я и обращаюсь к тебе, чтобы выслушать рекомендации... – ироничность моего тона пролилась между слов, – своего главного учителя.

– Я – твой главный учитель? – рассмеялся Вантелла.

– А что, разве нет?

– Думаю, ты сам так решил, никто мне подобного не говорил.

– Ну окей, не важно. Просто, я тебе доверяю.

– Хорошо, – этот ответ его, кажется, удовлетворил. – Ладно. Все мы учителя друг для друга...

Он замолчал, размышляя о том, что ответить, чувствуя, что лучше сказать, провести для меня через себя от Источника.

Я хотел бы услышать мнение Онкара больше, чем мне бы хотелось признать. Я уважал его, не скрывая этого, что было весьма для меня нехарактерно. Может быть потому, что Он-

кар никогда не казался мне самодовольным, не пытался кого-то унижить или преуменьшить чью-либо значимость, хоть и мог бы легко это сделать, ведь он знал и умел в своей области гораздо больше, чем его ученики. Но своим положением учителя он никогда не злоупотреблял. Он не боялся ошибок, того, что сам мог поскользнуться и как-то неловко упасть, или что кто-то из учеников победит его или превзойдет в гибкости или растяжке. Сохраняя к себе и другим уважение, он никогда не пытался возвыситься, хоть и мог проводить довольно мудрые вещи и помогать в осознаниях окружающим людям. Он считал, что все эти знания и осознанность – лишь ступеньки во времени, и малыш в своем детстве изучает начальные навыки счета, а взрослый – уже геометрию. Но каждый был малышом в свое время, в какой-то из жизней (к примеру, не зная таких очевидных законов, что добро, как и зло, возвращается их отправителю. Не познав ещё этого на своем жизненном опыте, не усвоив урок) соответственно “молодой возраст” души, так же как и молодой возраст человека, не повод кого-то не уважать. Он шутил и любил, когда кто-то шутил и над ним, если всё это безусловно входило в незримые рамки добра и любви, лишено было яда, жестокости.

Онкар по какой-то причине глубоко уважал меня, и я это знал, чувствовал (хоть и не до конца понимал почему). Он говорил, что моя суть божественна, неизменно великолепна, как и у каждого человека, что бы ни происходило с ним в

жизни.

И я с легкостью отвечал на его уважение взаимностью даже большей, чем мог ожидать от себя.

Я решил задать свой вопрос о концентрации Онкару ещё и потому, что заметил, как он часто трудился и вел занятие столь сосредоточенно, словно это был его последний день на планете. А теперь, на прогулке, он любовался природой столь же внимательно, словно это был его первый день.

– Для начала ты можешь сфокусировать внимание на дыхании, – начал он. – Ощутить, как тело делает вдох, выдох... Иногда можешь почувствовать, как бьётся сердце. Вспомнить, что ты живёшь и находишься в своём теле. Наслаждаться едой – её вкусом. Ветром. Почувствуй...

Я впервые заметил, что ветер приносит к нам аромат каких-то цветов. Оглянулся вокруг в поиске источника сладковатого запаха и обнаружил насыщенно фиолетовые и синие гроздья соцветий на высоких кустарниках вдоль нашей тропы.

– Ты присутствуешь, когда наслаждаешься происходящим, – умиротворенно продолжил Ван.

Я кивнул, призадумавшись. Наслаждаться. Сам Онкар создавал впечатление чувственного, владеющего собой человека, и, возможно, поэтому, отчасти, от него исходила энергия, которую без труда можно было назвать обаянием.

Вообще, если задуматься, люди, умеющие искренне наслаждаться, чаще всего привлекательны уже по одной только

этой причине. Окружающие начинают купаться в их приятных частотах и чаще хотят стать причиной для наслаждения, объектом, к которому направлятся волны внимания и благодарности этих личностей. Радость вступает в резонанс с чужой радостью и увеличивается для обоих по закону резонанса.

– Просто ты не пропускаешь мимо себя ту красоту, что есть внутри и вокруг, когда в настоящем. То есть, ты обращаешь внимание на природу, её вечный поток изобильной энергии. На людей и их обаяние, индивидуальную красоту и таланты, божественные проявления любви – сути. Ты замечаешь, что тебе удобно и приятно тепло в этой обуви, тебе ведь тепло?

– Да, – я задумчиво согласился, обращая внимание на свои ощущения.

– И мне тепло. Или когда ты ложишься спать под одеяло, твоё тело приятно расслаблено, оно отдыхает и это тоже можно почувствовать...

– В такие моменты я скорее замечаю, что у меня ноет спина.

– Это повод пойти на... массаж, к примеру, и посмотреть, нет ли хронического перенапряжения мышц.

Я закатил глаза и поморщился с долей скепсиса относительно его предложения. Стал говорить, что идея массажа мне априори не нравится. Но позже подумал, что даже не знаю на самом деле, почему я отказываюсь. Неизвестно во-

обще, был ли я на массаже когда-либо прежде.

В итоге, от всего отказавшись при Ване, я пошёл на массаж спустя несколько дней и все же попробовал, но только зону спины (раздевшись по пояс).

Не сказать, что в процессе массажа мне было особо приятно, но я чувствовал себя действительно хорошо, когда он закончился – я ощущал себя легче, свободнее.

Мастер сказала, что мышцы спины, шеи и особенно плеч перенапряжены, и поэтому больно, когда на них давят. Не сказать, чтобы мне было так больно, что нельзя было терпеть, – ничего сверхболезненного. Да и приятные ощущения при массаже тоже порою присутствовали. Мышцы, о напряжении которых я и не знал, стремительно расслаблялись. Я растекался по поверхности кушетки под звуки приятной космической мелодии, которую местные называют медитацией. Она содержала в себе нежные перезвоны, а также мягкий женский голос, лишённый слов.

Мастер также сказала, что стрессы, которые человек не смог пережить, потому что те были хроническими или же оказались слишком тяжелыми для психики, чтобы к ним адаптироваться, переходят на физический план в виде мышечных блоков или же психосоматики. И как только человек их проживает в ходе психологических сессий, переосознаёт те ситуации, что были для него травматичными, отпускает сознательно страх, то напряжение, вызванное именно этими болями, плавно уходит из тела и мышц.

В то же время, когда мы воздействуем на перенапряженные мышцы физически и энергетически в ходе массажа, мы подходим с другой стороны к той же самой первопричине: мы подталкиваем человека к освобождению и переосознанию, влияя на уровне тела. Многое из страхов и болей уходит само во время массажей, но часть всё же требует рефлексии, внимания человека к своим чувствам и выбора нового отношения к себе и другим исходя из любви и гармонии.

Иногда я, в итоге, стал ходить и на массаж. Но Вану я ничего не сказал.

Совет Вана относительно присутствия в настоящем оказался простым и сложным одновременно. Он говорил: “Если ты делаешь что-то, то просто *делай это*. Сосредоточься на одном единственном действии, которое происходит сейчас. Чем бы ты ни занимался, проживай этот процесс, ведь когда ты не в настоящем, а в тревогах или пустых размышлениях, ты, считай, не живёшь, а драгоценная энергия внимания тратится ежеминутно, вместо того чтобы питать тебя здесь и сейчас или творить желаемую реальность, когда ты визуализируешь то, чего хочет душа, или даже создавать что-то новое, если вкладывать свою энергию в творчество...”.

Но мне мешал поток мыслей, который быстро и незаметно меня уносил либо в прошлое, либо в будущее с планами

и тревогами, которые прежде казались мне нормой, либо в какие-то нескончаемые абстрактные мысли, которые я даже не запоминал. Конечно, среди моих размышлений бывали и довольно интересные экземпляры, как например: “Если в фильме показано, что человек из будущего вернулся в прошлое и помог самому себе только потому, что у него есть воспоминание о том, что ему помогли, то кто помог ему в самый первый раз, пока будущее ещё не наступило?”.

И я не считал подобные мысли пустыми, ведь они радовали мою душу, разжигали во мне любопытство, которым я наслаждался, а значит, по словам Онкара, в них был смысл. И возможный ответ на свой вопрос, кстати, я нашёл почти незамедлительно:

Марианния (сенсорик, ведущая познавательные лекции, на одну из которых меня занесло буквально на следующий день – от нечего делать) рассказывала, что всё происходит одновременно и времени нет. А это значит, раз прошлое и будущее существует одновременно, то, возможно, этот парадокс с “помощью самому себе” и петлёй времени изначально существовал именно таким?

Я узнал также, что на Люцисе есть технологии для путешествия во времени, но они не допущены для общественного использования, чтобы одним мелким вмешательством и случайной цепочкой событий не изменить всю историю человечества. Технология эта будет использована только в случае наличия угрозы планетарных масштабов как одна из

крайних мер... Интересно, сколько раз ОМС уже попытались выкрасть её, чтобы использовать как оружие для усиления своего межгалактического контроля? Если бы эти знания оказались у них, то уверен, они бы не ждали ни единой минуты, чтобы установить тотальный контроль и господство над всеми колониями человечества, включая Люцис... И здорово, что у них нет этих знаний, иначе бы я, наверное, не занимался бы тут созерцанием большого золотого жука на травинке рядом с собой. Он был забавным и иногда деловито о чем-то жужжал.

Мой желудок внезапно издал такой высокий и яростный звук, как будто был абсолютно сознательным живым существом, у которого совершенно иссякло терпение. Громкий вскрик с угрозой истерики. Я с удивлением усмехнулся, подумал о том, что забыл сегодня как пообедать, так и поужинать, и снисходительно поторопился в столовую, с предвкушением, тем не менее, воображая вкусные котлеты из нута. Стоило мне осознать, что я голоден, как я действительно ощутил это чувство.

Кажется, я иногда не сразу обращаю внимание на потребности тела. Вернее, я порой отношусь к нему, как к отчаянной, наглой кошке, которую почему-то нужно кормить именно мне (действительно, почему я?).

Кто-то из сенсориков упоминал игнорирование потребностей тела, например голода, как симптом чего-то ещё в теме “любви к себе”, но я не мог вспомнить точно, чего именно.

Я вздохнул, со смирением осозная, что раз уж этот вопрос угодил в мою голову, он не оставит в покое меня, пока я не узнаю, "что" это значит. Вопрос будет крутиться, пылливо зудеть своей отвратительной незавершенностью и мешать мне уснуть, пока я не достану ответ... Я спрошу у искусственного интеллекта в виде робота-помощника по пути с ужина.

Я вышел на улицу. Крыша третьего этажа здания образовывала огромную площадку с садом, зелеными лужайками и петляющими между ними дорожками, деревянными гамаками и плетёными беседками.

Стояла ночь. Людей почти не было видно. Только звезды на небе и свет освещающих дорожки уютных фонариков.

Свежий воздух плавно наполнял мою грудь. Я вдыхал и выдыхал тишину ночи. Побывать наедине с собой мне было необходимо.

Сначала я сел на скамейку, прежде чем услышал звуки приближающегося человека с радостным ребёнком, который играл в мяч. С тенью раздражения я поднялся и ушёл как можно глубже в сад, в чащу деревьев, пока не нашел самый далёкий от людей низкий гамак. Устроившись в нем, я положил голову на теплую деревянную подложку и устремил

взгляд на темное небо.

Мне было грустно. Я ощущал себя так, будто страдаю от чего-то, о чем даже не могу вспомнить.

Моё сердце тоскливо сжалось, скомкалось. Я тяжело вздохнул. Будто меня предали, бросили те, от кого я этого никак не мог ожидать, и я до сих пор... до сих пор не мог в это поверить. Лия права, где-то в глубине меня осколки треснувшего сердца, поэтому сенсорики так много смотрят мне на грудь. Я начал чувствовать всё это постепенно. Не то, чтобы я раньше не ощущал этого, я просто не осознавал, что это не нормальное состояние человека. Я не знал, что можно ощущать себя как-то иначе.

Но ведь чтобы простить кого-то, мне нужно хотя бы вспомнить? Наверное. Иначе смогу ли я это отпустить?

Хотя мне и становилось как-то дурно, не по себе при одной мысли о возвращении воспоминаний.

– Привет, приятель.

Я обернулся. Между деревьями стоял странного вида тощий парень. Я ощутил интуитивно, что уровень энергии его был необычайно низок – эта мысль, знание просто вошли в мою голову. Выглядел незнакомец весьма неблагополучно и нахально. Этот контраст в уровне энергетики по сравнению с окружающими меня в центре людьми настораживал.

– Да? – неуверенно отозвался я и откашлялся, поднявшись с гамака на ноги.

Меня коснулась тревога.

– Не узнаешь меня... что ли...? – тип усмехнулся, оголяя хищный ряд ровных зубов, и сплюнул.

Я нахмурил брови и мотнул головой. А он расхохотался.

– Что, они стерли тебе память? Я так и знал. А то ты пропал с радаров. И наш маячок указывал на Люцис столько времени, – он оценивающе покивал, – похитили тебя.

Я потерял дар речи, теряясь ещё больше. Мне показалось вдруг, что я так размяк и расслабился, что стал непригодным к самозащите. Хотя и учился все это время “бою” и тренировке интуиции. По крайней мере, мне пришлось сбрасывать, словно чешую, старые способы защиты, чтобы изнутри начать воссоздавать силу и уверенность в себе, но здоровую. Тем не менее его слова моментально выбили меня из колеи. Он знал обо мне больше, чем я о себе.

– Не волнуйся, я помогу тебе, – усмехнулся парень, – но за тобой будет должок. Ещё один.

– Я...

Не успев вымолвить и двух слов, я остался в одиночестве, так как мой собеседник просто напросто исчез, щёлкнув пальцем по своему поясу. От неожиданности я даже не успел понять, была ли то телепортация или прервавшаяся голографическая трансляция...

Я стоял, словно пораженный громом, не зная, что мне делать.

Я не был уверен, нужна ли мне его помощь.

Мог бы просто объяснить, что он обо мне знает. Вот это была бы помощь. А какого рода помощь он собирается мне оказать теперь? Я не был уверен, что это закончится благополучно для меня. Я будто заключил сделку с нечистой, да же не успев опомниться, как это произошло. Но я же даже не согласился! Он же не сможет никому здесь навредить? Он же не сможет? Я надеялся на это. Но мне было теперь ещё тревожнее.

Я торопливо направился в зал, надеясь, что Онкар был уже там. Скоро должно было начаться занятие, хоть и не моего уровня.

Я забежал внутрь, но в комнате никого ещё не было. Мне нужно было срочно с ним поговорить.

Меня прошибло холодным потом. Неожиданно перед глазами возникла знакомая уже картина из воспоминаний. *Я выиграл у тех мужчин, которые не*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.